

Жизнь не легка ни для кого.
Но стоит ли придавать этому значение?
Мы должны стремиться к цели и быть верными себе.
Нужно помнить, что каждый из нас наделен
своим даром, и суметь разглядеть этот дар.

Mari Kюri

Он погиб под колесами конного экипажа.

Это произошло в четверг вечером, он просто хотел перейти через улицу. Взял левее и, сделав несколько шагов, столкнулся с лошадью. Наверное, он растерялся, почувствовав, как ноги скользят по мокрой мостовой, и упал. Он чудом остался жив — лошадиные копыта и передние колеса тяжелого экипажа лишь слегка задели его лицо. Кучер не смог остановиться и попытался хотя бы свернуть в сторону.

Но заднее левое колесо подмяло под себя то, что оказалось на пути. Шесть тонн раздавили его голову.

Несчастный случай, досадное происшествие — так, ничего особенного, обычное дело.

Вот и все.

19 апреля 1906 года

Париж был странным в тот вечер. Обратился в женщину, которая укуталась в безыскусную стыдливость, словно чувствовала себя виноватой. Огни города и его рокот, от которого глухнешь, отступили, и вместо них — скромное платье и собранные в строгий узел волосы. Тогда, 19 апреля 1906-го, Париж не желал быть обольстительным, и я непременно заметила бы это, если б рядом со мной не было Ирен, а еще дождя.

Едва переступив порог дома, я поняла, что он стал другим. Воздух, как и всегда, был сухим, но атмосфера была полна напряжения. Витал едва уловимый запах сырых пальто, мокрых калош и сигаретного дыма. Эмма, наша гувернантка, ждала меня, стояла посреди комнаты, точно приросла к полу, и была до странного бледной. Она посмотрела на меня с таким выражением, которое я в первое мгновение не сумела истолковать. Поспешив к моей дочери, она сняла с нее пальто и тут же увела на кухню, словно не хотела оставаться наедине со мной. Лишь потом, возвращаясь мыслями к этим минутам, я поняла, что Эмме было страшно.

В нескольких шагах от себя я обнаружила Поля Аппеля, который заведовал факультетом естественных наук, и Жана Перрена, нашего близкого друга, и это тоже показалось странным. Я почувствовала, как

напряжение нарастает и пронизывает меня насквозь. Глаза у обоих — чересчур воспаленные, маленькие, и в них читалось отчаяние.

Тебя больше не было, и я поняла это прежде, чем в сердце вонзились те самые роковые слова:

— Пьер умер...

Кто-то схватил меня за плечо, чтобы я не упала, и мой взгляд невидящие скользнул по стенам комнаты. Шкафы и секретеры пахли воском, там хранилась наша одежда, документы и предметы обихода — все эти вещи мне хотелось перечислять одну за другой, лишь бы не слышать тех слов и звона колоколов, их тяжелого гула, бронзового и торжественного, и этого непривычного звука — шелеста гравия под колесами повозки, увозившей тебя от меня.

Твое тело — недвижимый объект в мире, по-прежнему полном движения. Я погладила твое лицо. Рана на голове незаметна: ее бережно обмыли, и лишь твое отсутствие кричало об этой ране в полный голос. Мои пальцы осознавали это отсутствие тебя. И лишь потом я разглядела кое-что в твоих волосах — твое губчатое серое вещество. Я завернула его в платок, слепленное со сгустками крови, и положила в карман вместе с твоими вещами, бывшими при тебе тогда. Перьевой ручкой, ключами и твоими часами — они остановились в тот миг, когда ты умер.

Погладив твои пальцы, сжатые после судороги, я стиснула твои запястья в надежде, что ты отзовешься,

а потом подтащила к кровати стул и тяжело на него опустилась. На меня навалилась тоска, грузная, как насквозь промокшее пальто, и я кричала тем криком раненого зверя, чьи стоны разбрызгиваются по стенам, словно краска.

Я даже представить себе не могла, что бывает такое кромешное одиночество.

Париж, 1894–1896

Я познакомилась с Пьером Кюри не по воле случая, но благодаря единственно возможному стечению обстоятельств. Мне требовалось пространство для работы, а у Пьера места оказалось предостаточно. Шел 1894 год, я писала свой второй диплом*. Университет предоставил мне крошечную лабораторию для проведения опытов, но там оказалось совсем тесно, негде развернуться, и я проводила дни, натыкаясь на стены и роняя предметы.

Пока однажды тихим вечером, который я проводила вместе с двумя давними друзьями, судьба не настигла меня. Юзеф Ковальский, польский физик, проводивший в Париже с женой — моей подругой детства — медовый месяц, произнес фразу, с которой все и началось: «У Пьера Кюри есть лаборатории...»

Мы договорились о встрече, Пьер был пунктуален и сперва показался мне совсем молодым. Внезапно в миг удивительной ясности мне открылась безупречная стройность его мыслей. Я с упоением слушала рассказ

* Поступив на физико-математический факультет Сорбонны в 1891 г., Мария Склодовская получила степень лиценциата физических наук, заняв первое место (1893 г.), а в 1894 г. — степень лиценциата математических наук, заняв второе место. — Здесь и далее прим. ред., если не указано иное.

о его исследованиях, он говорил о точности измерений, которой стремился достичь. В моем сознании развернулось бескрайнее поле возможностей, он стал ключом, разомкнувшим замок внутри меня. Слова Пьера оказалисьозвучны моим собственным мыслям, в этих словах отражались те образы, которые мне никак не удавалось догнать и ухватить. Казалось, вот он, единственный человек в мире, способный понять меня, и осознание того, что я наконец нашла собеседника, сделало меня совсем иной женщиной.

С того мгновения я беспрестанно думала о Пьере Кюри: хотя и старалась гнать от себя прочь подобные мысли, само его имя звучало столь прекрасно, что хотелось произносить его снова и снова.

Пьер пригласил меня на ужин. Всего лишь ужин, продлившийся весь вечер. Точно так же мы ужинали в последующие годы — время летело незаметно при наших встречах, и мы пытались отщипнуть от него хоть кусочек. Столько всего надо рассказать друг другу, столь многим поделиться, расспросить обо всем на свете и повторить слова, услышанные друг от друга. Сразу стало ясно, что мы нужны друг другу так, как румянец нужен лицу.

Однажды вечером, выйдя из ресторана, мы окунулись в Париж, красовавшийся тогда во всем блеске прогресса. Магия электричества рассеивала темноту, и мы понимали сущность этого света, казавшегося метафорой

наших чувств. Мы были в правильном месте, нас посещали тысячи мыслей, догадок и идей. Не слишком-то охотно признаваясь себе в этом, я уже чувствовала, что единственное правильное место для меня — рядом с Пьером.

Вернувшись домой, я все никак не могла уснуть. Дождливая парижская весна, в окно сочится металлический запах мокрых улиц. Я стала бродить вокруг кровати, задевая углы. Он мужчина, я желала его и в то же время — опасалась.

Я давно решила, что не стану ничьей собственностью. Внутри меня все еще неизбытвым оставалось то унижение, испытанное много лет назад, когда Казимир объявил своим родственникам, что женится на мне.

— Это на гувернантке-то? Неужели ты готов связать себя с женщиной столь низкого происхождения? — изумился его отец.

Всего лишь пригоршня несправедливых слов — и переменилась вся моя жизнь, а также и я сама. Казимир покорился воле родителей и без всяких объяснений, запуганный, словно щенок, потрусили прочь спустя месяцы обещаний и утаивания правды. Мне стало тесно, как бывает тесно ногам, сдавленным слишком узкими туфлями, я чувствовала себя глупышкой, как та, кто ничего не понимает и не видит. В тот день я решила, что в моей жизни нет и никогда больше не будет места для любви.

А потом появился Пьер, и вместе с ним — свет, озаряющий небо. Но поддаваться нельзя, следовало лишь работать и держать данное себе слово.

В годы, остававшиеся до начала XX века, Париж был городом, за которым неотрывно наблюдал весь мир. Париж ловко приспосабливался к переменам, и все в нем дышало новизной — искусство, наука. Париж ничего не утаивал: ни полуночников, которые, пошатываясь, разбредались по домам, ни шумных рабочих, бравших штурмом вагоны утренних поездов, ни экипажей, кативших по набережной Сен-Бернар к улице Кювье, ни речных трамваев на Сене, стиснутых каменными фасадами домов со скульптурами. Вечерние фонари проливали на все это свой сизый свет.

То были годы культурного брожения, появлялись новые газеты и журналы и бились за то, чтобы сообщать новости не только образованной эlite. Над городом воспарила Эйфелева башня — этот скелет бросал вызов пышности Оперы и других величественных зданий, воплощая в себе стремление к переменам или же просто провокацию. И вот, пока электричество приводило в движение лифты самой высокой в мире конструкции и освещало улицы, вытеснив газовые фонари, ученый, которого ждала слава, открыл излучение, названное по его имени — рентгеновским.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru